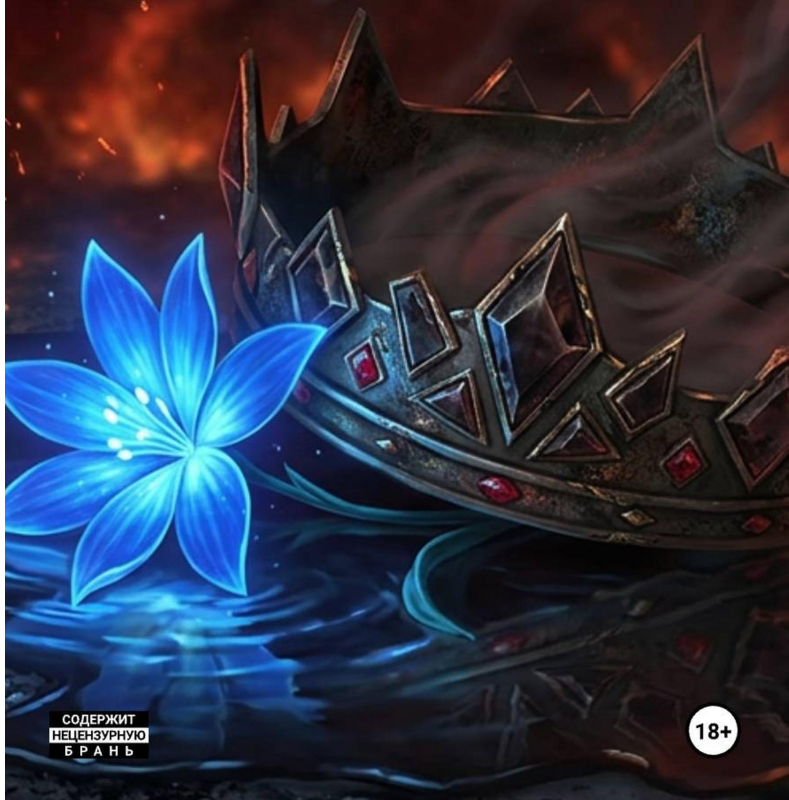

Анастасия Дорофеева
*Ардория. Наследие
дома Мару*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Дорофеева

Ардория. Наследие дома Мару

<https://litres.ru/74307203>

SelfPub; 2026

Аннотация

Империи не рождаются в сиянии славы. Они выковываются в сумерках, на остывающем пепле старых войн, когда кровь на границах еще не успела свернуться. То была эпоха, когда магия еще пахла озоном и цветущей вишней, а не гарью Пустоты. Эпоха, которую барды позже назовут Золотым Рассветом — последние спокойные годы перед бурей, изменившей саму Ардорию.

Юный император Сандор принял империю как холодный механизм, требующий смазки из чужой крови. Но все чертежи безжалостного стратега обратились в пепел в тот день, когда он встретил Лизабет. Она не была рождена для трона, но несла в своих жилах пламя древних Этерионов — иссиня-черные волосы, белоснежная кожа и глаза цвета летнего неба. Их свадьба стала не просто династическим союзом, но слиянием двух полярностей: его мрачного, математического гения войны и ее неудержимой, созидательной воли к жизни.

Эта книга — история о том, как строилась самая могущественная семья Ардории, пока тени Хаоса еще спали за порогом дворца.

Содержание

Легенда основания Империи	4
Часть 1. Её Величество Лизабет Аврелиан	8
Глава 2.«Контроль». «Фундамент». «Хаос».	19
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Анастасия Дорофеева

Ардория. Наследие дома Мару

Легенда основания Империи

Слушайте, дети сумерек и зари, ибо я расскажу вам о том, как не было нашей Империи. О том, как пепел стал твердой, а разрозненные искры — единым солнцем.

В ту пору мир Ардории был юн и дик, а народы его — слепы. Люди ковали железо в крови врагов, эльфы пили росу лишь со своих деревьев, презирая шаг чужака, гномы замуровывали свои горы от завистливых глаз, а илдары поклонялись соленым бурунам, топя любые корабли, что смели пересечь их горизонт. То была эпоха тысячи языков, на которых говорили только проклятия. Стоило путнику оступиться на чужой тропе, как копыта ломали древки друг о друга. И каждый народ точил нож на соседа, видя в чужаке лишь тень грядущей войны.

И тогда небеса над материком Ту разверзлись. Не гром ударил по вершинам Центрального материка, но сошел Белый Огонь. Из сияющего разлома Ахтара ступили на твердь Этерионы, Перворожденные из Дома Мару. Их кожа была

подобна первому снегу, волосы чернее самой глубокой пещеры без единого огонька, а глаза горели синим пламенем звезд, умерших до начала времен. Они пришли не верхом на драконах войны, ведомые алчностью. Они шли пешком, и там, где их босые ступни касались пепла старых междоусобиц, прорастал Серебряный папоротник.

Семнадцать лет они молчали. Семнадцать лет сидели у вражьих костров то с людьми, то с эльфами, слушая плач матерей по обе стороны границы. И Первый из них, чье имя ныне высечено на кости времени — Антарес, — заговорил. И голос его был не приказом, но музыкой сфер. Он говорил на языке, который каждый слышал как родной, ибо магия этерионов сплела Всеобщий говор прямо в воздухе, превратив шум ветра в понятные слова.

Вместо марша железных легионов разнесся по миру тихий шелест: этерионы учили видеть душу камня и слышать горе ветра. Там, где пролежала граница страха, они сажали сады. Там, где ревела пропасть междоусобицы, они возводили первые общие дома.

Но одних слов мало, чтобы остановить занесенный топор. Тогда Этерионы сделали величайший дар и самую страшную жертву. Они полюбили дочерей смертных народов той любовью, что сжигает границы измерений. От этого союза родились Дети Двух Миров. В их жилах тек расплавленный свет Ахтара, смешанный с горячей красной кровью земли. Магия перестала быть уделом избранных мудрецов; она забилась в

сердце каждого новорожденного младенца.

Старейшины людей скрежетали зубами, вожди эльфов кривили губы, видя, как их тайное знание становится общим достоянием. Но когда пришел Великий Голод, и реки Такут и Аргон обмелели от засухи, именно эта общая кровь спасла всех. Эльфийские корни дотянулись до подземных вод для людских полей, человеческая сталь защитила гномьи туннели от порождений тьмы, а дыхание илдаров пригнало дожди в выжженные степи Барриготов. Границы рухнули не под ударами таранов, а осыпались сами собой, словно сгнившая ткань, потому что матери плакали об одних и тех же детях, независимо от формы их ушей или цвета бороды.

Чтобы скрепить этот хрупкий союз, Этерионы принесли последнюю клятву. На вершине самого высокого холма, где сейчас стоит Императорский дворец, Антарес вонзил себе в грудь клинок. Его бессмертная кровь пролилась на камень, впиталась в почву и обратилась в нерушимый Договор Кро-ви.

«Пока течет хотя бы капля нашего дара в ваших жилах, — сказал он, — вы будете одним народом».

Так родилась Империя Ардория. Она выросла не из костей поверженных царей, а из семян Золотого лотоса, которые Этерионы бросили в общую землю. Дракон на дыбах взошел на солнце нашего герба не как хищник, но как хранитель, оберегающий сон тысяч колыбелей, в которых теперь спят вперемешку дети людей, эльфов, гномов и мор-

ских странников.

Говорят, последние истинные Этерионы не умерли. Устав от тяжести плоти, они просто шагнули обратно в пустоту между мирами, растворившись в рисунке вен своих детей. И если вы посмотрите в ясную ночь на небо, то увидите их. те самые звезды, что горят ярче остальных холодным синим светом — это глаза народа Мару, вечно смотрящие на империю, которую они построили из праха, слез и собственной крови. И именно в этой Империи произошли события вошедшие в историю....

Часть 1. Её Величество Лизабет Аврелиан

Кабинет Норберга в Башне Теней был погружен в полумрак. Единственным источником света была лампа на его столе, выхватывающая из темноты стопки донесений, карты и отчеты. Норберг сидел за массивным столом из черного дерева, его лицо было скрыто в тени.

Перед ним лежала тонкая папка, перевязанная черной шелковой лентой. На обложке золотом было вытиснено одно имя: Лизабет Аврелиан Ван Рейн.

Император Сандор, нынешний наследник престола, принял решение. Он женится. И его избранница — не принцесса из соседнего государства, не выгодная политическая партия, а эта... аристократка с длинным именем и еще более длинным списком заслуг.

Для Норберга это означало одно: новая переменная в уравнении безопасности Империи. Нестабильный элемент. Потенциальная угроза. Или, в лучшем случае, полезный инструмент. Дружба здесь была неуместна. Он служил отцу Сандора, теперь служит сыну.

Он развязал ленту и открыл папку. Он не читал — он сканировал, анализировал, выискивая слабости. Так он поступал всегда. Доверие нужно заслужить, а пока человек для

него — лишь набор фактов и потенциальных угроз.

Происхождение: Аристократка, ветвь Ван Рейн. Сильная кровь этерионов, но слишком разбавленная. Магический потенциал — 7.2 по шкале Эдельмана. Неплохо, но не уникально.

Образование: Магическая академия Серебряного Предела. Специализация — стихийная магия Предсказуемо.

Он перевернул страницу, и его бровь едва заметно изогнулась.

Деятельность до брака: «Активная путешественница, исследовательница магических аномалий».

Норберг фыркнул. Это было что-то новенькое. Обычно благородные девицы до замужества занимались вышивкой, танцами и плетением интриг. А эта... исследовала.

Он углубился в отчеты экспедиций.

«Экспедиция в Пустоши Химеры: обнаружение и нейтрализация нестабильного артефакта класса "Буря". Применена комбинация стихийной и сотворяющей магии для создания защитного купола».

«Переговоры с кланами Горных Гномов: успешное разрешение торгового спора с применением дипломатии и демонстрации телепортационных способностей».

Норберг откинулся на спинку кресла. Это уже было интересно. Она не просто маг, она — практик. Полевой агент, по сути. Полезный навык для будущей императрицы.

Он перешёл к разделу о способностях.

Магия сотворения материи: «Высокий уровень контроля. Способна создавать простые и умеренно сложные предметы из эфира». Примеры приложений: Создание серебряных кубков для дипломатического приёма (Тихий зал, 1498 г.), ремонт сложного часового механизма дворцовой башни (1499 г.).

Норберг хмыкнул. Полезный навык. Экономия на ювелирах и механиках.

Телепортационная магия: «Уровень владения: Продвинутый. Рекордное перемещение: 152 км».

Вот это уже серьёзно. Это уровень боевой элиты Тайной Стражи. Она могла бы быть не просто украшением трона, а полноценным оперативником в случае кризиса.

Он дочитал досье до конца и закрыл папку. Перед глазами стоял образ: своенравная, умная аристократка с характером, которая предпочитает пыль дорог дворцовым коврам и может собрать двигатель голыми руками (ну, или магией).

Сандор сделал странный выбор. Очень странный. Норберг встал и подошёл к окну, за которым простиралась ночная столица. Он посмотрел на шпили дворца

— Посмотрим, что ты за птица, Лизабет ... — тихо произнес он в пустоту. — Посмотрим, стоишь ли ты того доверия, которое тебе оказывают.

Он был скептиком. Он видел сотни людей, их слабости, их пороки. Он не ждал от этой женщины ничего хорошего. Но он еще не знал главного: самые яркие звезды всегда загора-

ются там, где их меньше всего ждут. И эта женщина была готова сжечь все его предубеждения дотла.

Император Сандор, молодой и статный, сидел на троне. Его лицо было непроницаемой маской монарха. Рядом с ним, но не вплотную, стоял канцлер Савирен — седовласый мужчина с цепким взглядом бухгалтера и холодным сердцем политика. Норберг не доверял ему. Савирен видел в Империи лишь механизм для извлечения прибыли и власти, а в людях — лишь шестерёнки.

А перед тронем, в луче света из высокого витражного окна, стояла она.

Лизабет Аврелиан Ван Рейн.

Норберг видел её портрет в досье. Портрет лгал. На картине она была просто красива — правильные черты, гордая

осанка. В реальности же... она была живой. В ней чувствовалась энергия, которую не мог передать холст и масло. Её синие глаза (отметка сильной крови этерионов) искрились умом и едва сдерживаемым озорством.

Сандор произносил формальные приветствия, представляя её двору. Лизабет слушала с вежливой полуулыбкой, но Норберг видел, как её взгляд скользит по залу. Она не смотрела на знат с подобострастием или страхом. Она изучала их. Оценивала.

Внезапно её взгляд остановился прямо на нём. На том месте, где он стоял в тени.

Она не могла его видеть. Тени были его стихией. Но она смотрела прямо ему в глаза.

А затем она сделала то, чего не ожидал никто. Она едва заметно подмигнула.

Норберг застыл. Это было нагло. Непозволительно. Это было нарушением всех протоколов. Будущая императрица не должна подмигивать главе Тайной стражи на официальной церемонии.

Сандор закончил речь и подал ей руку, чтобы проводить к трону. Лизабет приняла её, но напоследок снова бросила взгляд в тень. На этот раз она едва заметно кивнула, словно старому знакомому.

Норберг почувствовал, как уголок его рта дернулся в на-
меке на усмешку, которую он тут же подавил.

Вечером того же дня он нашёл её в Императорской библиотеке. Она не отдыхала в своих покоях, как подобало бы знатной даме после утомительного дня. Она стояла на высокой лестнице, водя пальцем по корешкам древних фолиантов.

— Интересуетесь историей? — его голос был тихим скрипом в тишине огромного зала.

Лизабет не вздрогнула. Она просто посмотрела вниз.

— Интересуюсь людьми, которые думают, что могут спрятаться в тени колонн высотой в двадцать футов.

Норберг вышел на свет. Он был выше её на две головы.

— Вы меня видели?

— Я вас почувствовала, — она спустилась с лестницы с грацией хищницы. — От вас веет холодом и формальностями. Как от старого фолианта по некромантии.

Он скрестил руки на груди.

— Вы нарушили протокол сегодня. Подмигивание главе Тайной стражи на официальной церемонии — это... дерзость.

Она подошла ближе и ткнула его пальцем в грудь.

— А вы нарушили мой покой своим пристальным наблюдением. Я же не жалуюсь императору, что его цепной пёс следит за мной? Да и к тому же.... Протокол? — она фыркнула. — Скука смертная. Я думала оживить обстановку. Судя по вашему лицу, мне это удалось.

Норберг посмотрел на её палец, затем ей в глаза. В них не было страха. Был лишь вызов и веселье.

— Я не пёс, миледи. Я выполняю свою работу.

— Нет? — она изогнула бровь. — А кто же вы? Вы смотрите на меня так, будто я — потенциально опасный артефакт, который может взорваться в любой момент.

— Вы читали моё досье? — спросил он прямо.

— Читала, — кивнула она. — И оно скучное. «Вампир», «Палач», «Хранитель тайн». Ни слова о том, какой у вас любимый цвет или боитесь ли вы щекотки.

Норберг моргнул. Он не знал, как реагировать на это аб-

сурдное заявление.

— Это... не входит в круг моих обязанностей.

Лизабет вздохнула и обошла его кругом, осматривая, как статую в музее.

— Знаете, в чём ваша проблема? Вы слишком серьёзны. Вы видите во мне будущую императрицу, политический актив, магический ресурс. Но вы не видите во мне меня.

Она остановилась перед ним.

— Я Лизабет. Я люблю плохую погоду, потому что в хорошую все лезут гулять и мешаются под ногами. Я умею телепортироваться, но ненавижу это чувство выворачивания наизнанку. И я думаю, что вы... — она прищурилась, — ...в глубине души очень хотите узнать рецепт тех пирожных с корицей, которые подают на кухне.

Норберг смотрел на неё. На это живое, непослушное, умное создание. Его скептицизм рушился под напором её хаотичной энергии. Она не была переменной в уравнении. Она была катаклизмом.

Она сделала паузу и смерила его взглядом с головы до ног.

— И я думаю... вы просто старый, мрачный зануда.

Норберг смотрел на неё. Его лицо оставалось каменной маской. Но внутри он кипел. Она была хаосом. Непредсказуемым, своенравным хаосом.

И самое ужасное ...что он находил это освежающим.

— Зануда? — его голос был тихим, но в тишине библиотеки он прозвучал как скрежет клинка о камень. — Я — то,

что стоит между вами и кинжалом в спину. Я — то, что заставляет послов Империи говорить правду. Я — порядок. А вы... вы — хаос.

Лизабет склонила голову набок, её улыбка стала ещё шире.

— О, наконец-то! Настоящая эмоция! Раздражение. Вы почти улыбаетесь, Норберг. Почти.

— Вы играете с огнём, — он сделал шаг к ней, нависая над ней всей своей мрачной фигурой. Он хотел напугать её. Хотел увидеть, как дерзость сменится страхом.

Это не сработало. Лизабет лишь рассмеялась.

— Я и есть огонь, милый мой страж. А вы... вы просто очень холодный камень, который пытается меня поучать. Но знаете, что бывает с камнем в огне?

— Он не горит, — отрезал Норберг.

— Он трескается, — прошептала она, ткнув пальцем в его нагрудник. — И из трещин вырывается пар.

Норберг перехватил её запястье. Его хватка была железной, но он был осторожен, чтобы не причинить ей боли. Просто чтобы остановить.

— Не прикасайтесь ко мне.

Её глаза сверкнули.

— А то что? Вы меня накажете? Запрёте в башне? Вы не посмеете. Я будущая императрица.

Он отпустил её так резко, будто обжёгся.

— Вы ведёте себя как избалованный ребёнок.

— А вы — как старый надзиратель! — выпалила она в ответ. — Сандор говорит, что вы лучший в своём деле. Но я вижу лишь напыщенного, бесчувственного...

— Достаточно, — его голос был подобен удару хлыста. Он отвернулся и пошёл к выходу из библиотеки, стук его каблуков эхом разносился по залу.

Лизабет осталась стоять посреди прохода, тяжело дыша от гнева и... странного, пьянящего чувства победы. Она его достала. Вывела из себя.

У самых дверей Норберг остановился. Он не обернулся.

— Завтра в полдень вы должны быть в Зале Советов. Канцлер Савирен будет проводить инструктаж по дипломатическому протоколу Солнечного Нагорья.

— Я лучше телепортируюсь в бордель! — крикнула она ему в спину.

Норберг замер. А затем, очень медленно, повернул голову. Его взгляд был холоднее льда на вершинах гор.

— Если вы это сделаете, я лично прослежу, чтобы вас вернули обратно за шкуру, как нашкодившего котёнка. И поверьте, это будет... унижительно.

Он вышел, оставив её одну в библиотеке. Лизабет смотрела на закрытую дверь и улыбалась.

— Ты мне нравишься, холодный камень, — прошептала она. — Мы с тобой подружимся.

Норберг шёл по коридору дворца, и его обычно бесстрастное лицо было мрачнее тучи.

«Проблемная», — снова подумал он. — «Она будет невероятно проблемной».

Но почему-то эта мысль не вызывала у него обычного холодного расчёта. Она вызывала у него глухое, раздражающее предчувствие: его упорядоченный мир только что треснул, и он ничего не мог с этим поделать.

Глава 2.«Контроль». «Фундамент». «Хаос».

Зал Советов был воплощением имперской мощи и скуки. Высокие потолки, гобелены с изображениями давно забытых побед, длинный дубовый стол, за которым сидели люди с лицами, высеченными из камня. Воздух был пропитан запахом старого дерева, воска и едва уловимым ароматом пафосной важности.

Норберг стоял у окна, скрестив руки на груди. Он был тенью среди теней, но его присутствие ощущалось всеми. Канцлер Савирен вещал. Его голос, сухой и монотонный, скрипел, как несмазанная телега.

— ...и, таким образом, отказ от третьей чашки чая на переговорах с послом Нагорья будет расценен как смертельное оскорбление, в то время как четвёртая чашка является негласным согласием на торговые уступки по пункту семнадцать...

Норберг слушал вполуха. Это была информация для протокола, а не для жизни. Реальная политика делалась не за чаем. Дверь зала с грохотом распахнулась.

Все взгляды обратились к вошедшей. Лизабет Аврелиан Ван Рейн. Она была одета не в придворное платье, а в свой привычный дорожный костюм из плотной ткани и высокие

сапоги. На её плече висела сумка, из которой торчал край потрёпанной карты.

Она остановилась на пороге, обвела взглядом собравшихся и громко, на весь зал, объявила:

— Прошу прощения за опоздание. Я телепортировалась не в ту башню. Кажется, я только что прервала чью-то очень личную ванну.

По залу пронёсся тихий ропот. Канцлер Савирен побагровел так, что Норберг на секунду испугался, что его хватит удар.

— Ваше Высочество! — прошипел Савирен. — Это возмутительно! Вы... вы...

— Я будущая императрица, — перебила его Лизабет, подходя к столу и бесцеремонно бросая сумку на пол. —

И я ненавижу чайные церемонии. Давайте перейдём к делу. Граф Вальдрих строит козни на границе? У нас проблемы с поставками зерна из-за паводков? Или, может, кто-то опять пытается провезти контрабандой артефакты Хаоса через порт?

В зале повисла гробовая тишина. Савирен хватал ртом воздух, не в силах сформулировать достойный ответ. Норберг оторвался от окна. Его взгляд был ледяным.

— Вы только что сорвали инструктаж по дипломатическому протоколу, который является основой мирных отношений с нашим самым могущественным соседом.

Лизабет повернулась к нему и улыбнулась своей дерзкой улыбкой.

— Протокол — это мёртвая буква, милорд Палач. А я предпочитаю иметь дело с живыми проблемами.

Савирен наконец обрёл дар речи.

— Это... это недопустимо! Император должен быть извещён о вашем поведении!

Лизабет закатила глаза.

— О, ради всего святого, пошлите ворона. Или вы разучились пользоваться магическими кристаллами связи? Я думала, это проходят в первый год обучения бюрократии.

Это было последней каплей. Савирен в ярости ударил ладонью по столу.

— Довольно! Я... я отказываюсь продолжать в этом цирке! Он схватил свои бумаги и направился к выходу, бормоча

проклятия. Как только дверь за ним захлопнулась, Лизабет победно вскинула руки.

— Ха! Старый хрыч! Думает, что империя держится на его драгоценных манерах!

Она повернулась к Норбергу с торжествующей улыбкой.

— Видите? Я же говорила — скука смертная.

Норберг медленно подошёл к ней. Его шаги были бесшумными. Когда он остановился перед ней, ей пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо. Его серые глаза были холодны как лёд.

— Вы не просто сорвали инструктаж, — его голос был тихим шепотом, предназначенным только для её ушей. — Вы унизили второго человека в государстве. Вы создали политический кризис из-за своей прихоти.

Улыбка медленно сползла с лица Лизабет.

— Он зануда...

— А вы — проблема, — отрезал Норберг. — И проблемы я решаю радикально.

Прежде чем она успела среагировать, он щёлкнул пальцами. Дверь снова открылась, и в зал вошли двое «Карающих».

— Отведите Лизабет Аврелиан в её покои, — приказал Норберг тем же тихим голосом. — Она находится под домашним арестом до дальнейших распоряжений императора.

Лизабет уставилась на него с открытым ртом.

— Что?! Вы не посмеете!

— Посмею, — его взгляд не дрогнул. — Это мой долг.

«Карающие» взяли её под руки — не грубо, но абсолютно непреклонно. — Норберг! Это же смешно! Я будущая императрица!

— Которая ведёт себя как уличная торговка, — спокойно парировал он. — У вас есть время до вечера, чтобы подумать о своём поведении. И о том, что значит быть правителем, а не просто магом с дурным характером.

Он кивнул стражам, и они вывели протестующую и сыплющую проклятиями Лизабет из зала. Норберг остался один в тишине Зала Советов. Он подошёл к столу и посмотрел на нетронутые чашки с остывшим чаем.

«Проблемная», — снова подумал он.

Но на этот раз в его мыслях не было раздражения. Было лишь холодное осознание: с ней будет сложнее, чем он предполагал. Намного сложнее.

Вечер опустился на дворец, окрасив витражи в глубокие багровые тона. В Зале Советов Норберг закончил просматривать отчёты, которые Савирен оставил в таком беспорядке, что это граничило с саботажем. Канцлер был в ярости, и это создавало ненужные политические волны.

Норбергу это не нравилось. Хаос Лизабет начинал мешать его порядку.

Он закрыл последнюю папку и встал. Его долг был ясен. Проблему нужно было решить. Немедленно.

Караульный у дверей покоев будущей императрицы вытянулся в струнку, увидев приближающегося главу Тайной

стражи.

— Милорд, — он попытался было что-то сказать, но Норберг просто прошёл мимо него, словно того и не существовало. Дверь в покои открылась от лёгкого прикосновения к замку.

Лизабет не спала. Она металась по комнате, как тигр в клетке. Услышав звук открывающейся двери, она резко обернулась. Её щёки пылали от гнева.

— А, явились! — выпалила она. — Я требую, чтобы вы немедленно меня освободили! Это произвол! Я...

Норберг закрыл за собой дверь. Щелчок замка прозвучал в тишине комнаты как удар молотка судьи.

— Вы закончили? — его голос был ровным, холодным и абсолютно спокойным. Это бесило ещё больше.

Лизабет сжала кулаки.

— Нет, не закончила! Вы не имели права! Я не какая-то преступница!

— Да, — неожиданно согласился Норберг, делая шаг в комнату. Он не повышал голоса, но его присутствие, казалось, заполнило всё пространство, вытесняя воздух. — Я не имел права объявлять вам домашний арест. Это прерогатива императора.

Лизабет осеклась. Она ожидала спора, криков, но не этого спокойного согласия.

— Тогда... почему я здесь?

— Потому что вы здесь, — просто ответил он. — Потому

что вы сами себя сюда привели своим поведением. Я лишь... констатировал факт.

Он подошёл к окну и посмотрел на город.

— Вы сегодня говорили о «живых проблемах», Лизабет. О кознях Вальдриха, о паводках. Это похвально. Вы хотите решать реальные задачи. Но вы не понимаете главного.

Он повернулся к ней. Его серые глаза в полумраке комнаты казались почти чёрными.

— Власть — это не только способность создать серебряный кубок или телепортироваться на сто миль. Власть — это контроль. Контроль над собой. Над своими эмоциями. Над ситуацией.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Сегодня вы потеряли контроль. Вы поддались гневу и скуке. И к чему это привело? Канцлер Савирен теперь считает вас взбалмошной девчонкой, недостойной короны. Он будет саботировать ваши инициативы. Придворные будут шептаться за вашей спиной.

Норберг подошёл к ней вплотную. Он не нависал, нет. Он просто... был рядом. Его аура власти и холода была почти осязаемой.

— Сила без контроля — это хаос. А хаос — это то, что я призван уничтожать. Вы сегодня создали хаос в самом сердце Империи.

Лизабет смотрела на него снизу вверх. Её гнев медленно уступал место чему-то другому — осознанию своей ошибки.

— Я... я просто хотела быть собой, — тихо сказала она.

— Быть императрицей — значит иногда надевать маску, — отрезал Норберг. — Быть собой вы можете в своих покоях. На людях вы — символ стабильности и порядка. Вы — фундамент, на котором держится всё остальное.

Он отвернулся от неё и пошёл к двери.

— Подумайте об этом, Ваше Высочество. Завтра утром я пришлю к вам наставника по этикету и дипломатии. И вы

будете слушать его с должным вниманием.

Он взялся за ручку двери.

— И да, Лизабет? — он обернулся через плечо, и на его губах промелькнула тень улыбки, от которой у неё по спине пробежал холодок. — В следующий раз, когда вам станет скучно... приходите ко мне. Я покажу вам хаос, который действительно стоит вашего внимания.

Он вышел, оставив её одну в тишине роскошных покоев.

Лизабет смотрела на закрывшуюся дверь. Слова Норберга эхом отдавались в её голове.

«Контроль». «Фундамент». «Хаос».

Она не привыкла, чтобы с ней так разговаривали. Не как с будущей императрицей, а как с... ученицей. Непослушной, но ученицей. И это бесило.

«В следующий раз, когда вам станет скучно... приходите ко мне».

Она фыркнула. Как будто она какая-то барышня, которой нужны страшные сказки на ночь! Она — Лизабет Ван Рейн! Она телепортировалась через пол-империи! Она создавала артефакты голыми руками!

Её гнев вернулся, обжигая изнутри. Он был прав? Возможно. Но это не давало ему права... указывать ей.

Лизабет отошла от двери и оглядела комнату. Её взгляд упал на большое зеркало в золотой раме, затем на вазу с цветами на столике, на тяжёлый бархатный полог над кроватью. Её губы изогнулись в хищной улыбке.

«Сила без контроля — это хаос», — сказал он.

Что ж, она покажет ему хаос....

Норберг в своём кабинете просматривал донесения от Савирена. Канцлер был в ярости и требовал «принять меры» в отношении «этой несносной девицы». Норберг игнорировал его истеричные ноты. Савирен был проблемой, но проблемой завтрашнего дня. Внезапно кристалл связи на его столе вспыхнул тусклым красным светом. Это был сигнал от «Карающих», охранявших покои принцессы. Сигнал тревоги. Норберг нахмурился. Он встал из-за стола так быстро, что стул закрипел по полу.

Когда он добрался до покоев Лизабет, двое «Карающих» стояли у дверей с каменными лицами.

— Докладывайте, — голос Норберга был подобен скрежету льда.

— Принцесса... буйствует, — прогудел один из стражей.
— Она использует магию сотворения.

Норберг вошёл внутрь без стука и замер на пороге. Картина была... впечатляющей. Лизабет стояла посреди комнаты, окружённая вихрем магической энергии. В её руках формировались предметы: из воздуха соткался изящный стеклянный кинжал, который она метнула в стену (он разлетелся вдребезги), затем — тяжёлый серебряный подсвечник, который она с грохотом опустила на столик с чаем. Но это было не всё. Она использовала свою магию телепортации для перемещения по комнате, появляясь то у одного окна, то у

другого, создавая какофонию звуков и разрушений. Зеркало было разбито. Ваза превратилась в кучу стеклянной крошки. Постель была перевёрнута.

Она не просто злилась. Она разрушала.

Норберг молча наблюдал за ней несколько секунд. Его лицо было абсолютно бесстрастной маской. Затем он сделал шаг вперёд.

— Достаточно.

Его голос был тихим, но он прозвучал громче любого крика. В нём была такая стальная властность, что Лизабет замерла на месте, так и не телепортировавшись в очередной раз. Магический вихрь вокруг неё угас.

Она повернулась к нему, тяжело дыша. Её глаза всё ещё горели гневом и вызовом.

— Я не буду сидеть взаперти! Я не кукла!

Норберг медленно прошёл в центр комнаты, окидывая взглядом учинённый разгром. Разбитое стекло, покорёженная мебель, порванный гобелен.

— Я вижу, — его тон был ледяным. Без единой эмоции.

— Вы не кукла. Вы — стихийное бедствие.

Лизабет вздрогнула. Это было сказано не с гневом. Это было сказано с презрением.

— Вы хотели показать мне свою силу? — продолжил он тем же мёртвым голосом. — Вы её показали. Вы показали, что способны разрушить комнату, потому что вам не по нраву правила. Поздравляю. Это уровень рассерженного ребёнка.

Он остановился прямо перед ней.

— Вы говорили о «живых проблемах»? Так вот вам одна: вы только что уничтожили имущество короны на сумму, равную годовому доходу небольшого графства. Вы создали угрозу безопасности дворца, используя боевую магию в замкнутом пространстве. И вы... вы потеряли лицо перед своими подданными.

Он указал на дверь, за которой стояли стражи.

— Они слышали всё. Они видели ваше... представление. И что они запомнят? Что будущая императрица — истеричка? Или что она — могущественный маг, который не может совладать с собой?

Лизабет открыла рот, чтобы возразить, но он не дал ей

сказать ни слова.

— Молчите. Ваше право на бунт исчерпано. Теперь вы будете слушать.

Он подошёл к ней вплотную. От него веяло холодом, который не имел ничего общего с его вампирской природой. Это был холод абсолютной власти.

— С этого момента вы будете изучать протоколы Савирена до тех пор, пока не сможете процитировать их во сне. Вы будете изучать историю дипломатии до кровавых мозолей на глазах. Вы будете учиться контролировать свою силу и свои эмоции.

Он наклонился к её лицу так близко, что она чувствовала его дыхание.

— А если вы ещё раз позволите себе подобный... припадок... я не буду запираю вас в покоях. Я запру вас в Башне Теней. В камере без окон и дверей. На месяц. Чтобы вы научились ценить тишину и порядок.

Он выпрямился и посмотрел на неё сверху вниз с холодным безразличием.

— Вы меня поняли?

Лизабет смотрела на него. В его глазах не было ни капли той теплоты или даже раздражения, что были раньше. Был лишь бездонный серый лёд палача, который смотрел на неё как на очередную сломанную вещь, которую нужно либо починить, либо выбросить.

— Вы ведёте себя как тюремщик! — выпалила она в от-

вет. — Я не преступница! Я будущая императрица! И если я хочу перевернуть эту дурацкую кровать или разбить это уродливое зеркало, я это сделаю!

Она топнула ногой.

— Выпустите меня! Немедленно!

Норберг смотрел на неё долгую минуту. На это упрямое, своенравное создание с растрёпанными волосами и горящими глазами. Она была ураганом в фарфоровой лавке. И он понял: запирать ураган бесполезно. Он либо вырвется и разрушит всё вокруг с десятикратной силой, либо... найдёт способ использовать его мощь.

Он медленно повернулся к двери и щёлкнул пальцами. Дверь распахнулась.

— Вы свободны, Ваше Высочество.

Лизабет замерла с открытым ртом.

— Что?

— Вы свободны идти куда пожелаете, — повторил он ровным голосом, не оборачиваясь. — Но имейте в виду: каждый ваш шаг теперь будет под моим личным наблюдением. Каждый ваш каприз будет иметь последствия.

Он наконец посмотрел на неё через плечо.

— Вы хотели быть собой? Отлично. Теперь вы будете собой... публично. И двор увидит вас такой, какая вы есть: своенравной, сильной и абсолютно неуправляемой. Посмотрим, как долго продержится ваша популярность, когда вы доведёте канцлера Савирена до заикания на официальном

приёме.

Он вышел в коридор, оставив дверь открытой.

— Добро пожаловать в политику, Лизабет. Здесь хаос имеет свою цену.

Он ушёл, оставив её стоять посреди разрушенной комнаты с выражением полного шока на лице. Она победила? Или только что проиграла по-крупному?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.